

№ 172

Двадцать четвертый

ПРИЧАСТОВАННЫЙ ЦАРЬ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.
Основана С. Х. Арутюновымъ.

№ 172

172

Четвергъ, 3 йюля 1914 г.

условия подписки:

12 к.—9 р. —	8 к.—6 р. 50 к.	4 к.—2 р.
11 к.—8 р. 50 к.	7 к.—5 р. 70 к.	3 к.—1 р.
10 к.—8 р. —	6 к.—4 р. —	2 к.—1 р.
9 к.—7 р. 25 к.	5 к.—4 р. 25 к.	1 к.—1 р.

За ежесынную загран. вспом. добл. 1 к. съ в. в.
прем. польно съ всп. 1 час. И не въѣхъ оныхъ!
ОБЪЯВЛЕНИЯ: антрактъ телега—30 к., письма телега
къ за 1 вѣс. възвѣщаніе оружія коннаго
При членѣніи телеги—СКИДКА по съѣзду
За обѣзначеніе вѣс. телеги въ видѣ вѣс. в.
труда скідка 50%.

За вѣсна, приложенній при пакетѣ письмо до пакета
по 1000 шт.—8 р. а за пакетъ добл. пачка по 2
шт. Годовой контрактъ подписанъ въ Ростовѣ на
Дону. Садово-запасъ, въ собств. всп.

Установка открыта ежедневно съ 8 ч. утра до 7
ч. вечера, вскресенье и праздн. дни съ 10 до 12 ч.
Фундукъ въ мѣстѣ въ Ростовѣ на Дону въ отдѣльномъ

Телефонъ центры 243.

передаётся такому безнадёжному ис-
треблению и не находится изъясни-
ти въ Покровской и его пре-
тишрустить, между прочимъ и тѣмъ,
текущему году будетъ открыть пр-

Мѣстный купрѣтъ въ произведенияхъ А. П. Чехова¹⁾.

Статья П. Суржского.

Въ рассказѣ «Воры», чувствуется
въсѣ, величественное передергиваніе,
мѣстного купрѣта. Постоянныи дворъ
изъ стѣнъ, изъ занавѣсъ выходитъ, изобра-
зимою такъ, что видишь и чувству-
ешь:

«Онъ напиралъ зѣрно въ видѣлъ
шары, какъ летать сѣять и изѣдъ
сѣбѣскіи постоянно складывались
изъ разныи фибуры: то висячіи изъ
кошечекъ, то съзѣмъ сѣмьцами рожа
вирѣтъ, то проскакать вѣхы кони,
а за ними амбонка въ красномъ
шарѣ, то проскакѣть наѣзъ головою
воришка бѣлымъ побѣдой»...

На постоянномъ дворѣ собирались
веселыи компании: пастушии «Любка»,
дочь холопи, и видавиды пади
мужики-конограды: Каланиковы и
Меркины—тиши, какъ зачастую можно
встрѣтить въ южныхъ деревняхъ.
Словно поплыть, сбывающіе съ доро-
гами, болычники феноменъ Ергуновъ.
Интересы разгораютъ ить, въ кото-
ромъ это и слово, то червонецъ бы-
лая, измѣнена быта, а потому доказавъ
правоту холопки у Ергунова, при помо-
щи Любки. И когда она шла, послѣ
этого, вѣхомъ въ большинку, то думала,
какъ мучь матерей, въ ловкости, съ
какою совершенна была краска, о Люб-
ке, о мужикахъ-коноградахъ.

«У него вѣтхалось въ головѣ, и сѣ-
дили на чистъ изъ этого сѣда, сѣди
доктора, фальшивыи, кулины, кисары, ру-
жницы, и не просто волнилье лица? не-
быть же сѣда волнильи лицами, волни-
льи зѣрна, волнильи Меркины, и ни-
когда они не боятся въ никто ить не
принять. Ахъ, покончите бы на ло-
жнине, не спорятъ, чѣмъ она, и не
хотятъ бы вѣхомъ въ первогороду сл-
оги, то золотыи, лѣстцы и оправы-
тывать, любить бы душевныи, сѣмь-

ся надъ вѣхами людьми...»

Маски златыи, испачканной пылью,
увѣльяніи издали волны по-
легъ стеною кишинька. (

Вотъ «холодная кровь» — мастер-
ское изображеніе железнодорожныхъ
мастерскихъ гроубозиателей. Малы-
хинъ и его спутника Яши, высыпну-
щихъ изъ яи въ Москву для продажи пар-
тию бѣлокъ. Длительныи остановки,
ожиданія, отѣчики, приѣзды, задо-
бычи, переговоры и контракты, взятки, под-
кова—весь это все блестѣло къ дѣ-
ствительности. Этотъ рассказъ изъ-
ликовъ вѣтъ изъ жизни. Яша —

далійший родственникъ Антона Ша-
гина, совершившаго эту утомительную
поѣздку изъ Таганрога въ Москву.
Она теперь старѣетъ житьть изъ
Таганрога и наблюдаетъ за раздачей
мѣсть на городскомъ кладбище.
Она изъ гордости говорить о томъ,
что послужила прототипомъ для Яши
въ отвѣтѣ «Холодная кровь». — Это
Антонъ Пантелеймонъ менѣа опровергъ
поговорку именемъ Яши. И какъ, попы-
тайте, вѣрю: и когда читала, гла-
зами не вѣрить, какъ будто въ я. и
онъ быдѣлъ съ бытами».

Есть у Чехова рассказъ «Онъ»,
о введеній въ картины Маркса.
Для характеристики приемъ

творчества А. П. Чехова, брашнаго
и пыльного, изъ жизни людей въ обста-
новку, это очень типичныи раз-
сказъ. Въ немъ все честное, подоб-
ристиче, таганрогское, начинаніе съ
описаніемъ и кончая разборомъ, мел-
кихъ штриховънъ подобностями.
Затѣмъ вѣхомъ: художественное
описаніе «Карантинъ», краснаго пригороднаго уголка изъ трехъ, вер-
стахъ отъ Таганрога, описание дорож-
и отъ Карантинъ до Таганрога, тог-
да же макаричъ, упоминается стоян-
и коний, адамъ мельники съ изу-
тыми очками, пугающіе своей за-

броненностью, пѣтрыки, кладбище,
затѣмъ горсть, его сплюнья улицы и
наконецъ, железнодорожный путь
по направлению къ Ростову, вѣт-
ромъ. Берегово мора.

Въ предметномъ разсказѣ «Бѣлыи» —
все характерно для яи: вечеръ изъ
сѣди, женскии фигуры, старыи крѣ-
пкой Людя, рассказъ Матрѣи Сави-
чны, удивительныи по своей ко юри-
ности—такъ и сдвигаются въ какіи-
фразы, въ каждому слогѣ загород-
ской таганрогской мѣстности. Пти-
чоночки, поющие изъ луны, поч-
тальческіи письмы, эта трагедія жи-
вой души, Машеньки, побѣдивши
дома самовѣбліи, трижды, готовы от-
клинувшись въ другіи симметричныи
женскии думки, и жажды къ
маленькому Кузѣ, и слезы, наѣтъ
имъ, какакъ во всемъ этомъ ярилъ
бытова прѣда!

Къ такимъ же живущимъ мѣстной
правдой рассказы наядо отнести
«Въ родномъ углу» и «Печенье-бѣлыи». Оба они взяты изъ мѣстной жизни и
оба въ высшей степени покоритъ.
«Въ родномъ углу» изображаетъ
мѣстную и дѣтскую дорогу, проход-
ящую по пустынной, бескрайней стѣ-
ни. Въ стѣни стоятъ тухіи дуторы,
кругомъ угольныи шахты, жизнь ти-
хая, вѣхомъ замкнута. Вѣра Карда-
шина покорѣтъ сюда изъ Москвы и съ
начала привлечетъ къ родному углу.
А потому черезъ мѣсяцъ, да ее ока-
зывается скуча, отъ которой некуда
спрятаться, уѣхать. Скучающая стѣнъ,
скучные люди.

«Гости утомили ее (Вѣру) и стѣ-
ни; и въ то же время—это было
поти, почти каждый день—съя начи-
нало темнѣть, какъ ее усе гибну-
ти дому и она уѣзжала изъ гостини-
цы, куда-нибудь на заводъ или къ со-
стѣди, —помѣщиковъ; и тамъ вѣра
карти, ганци, фанти, ужинъ.
Молодыи люди, слушающи на па-
тока и вѣхахъ, иногда пѣтъ, мало-
речивѣи либенъ и очень недурно.
Становилось грустно, когда она пѣ-
ла. Или склонялась вѣтъ изъ одну ком-
нату и тутъ изъ сумерекъ говорили
о шахтахъ, о кавалерахъ, заряжали
доги изъ стѣнъ, о Салур-Могиль...»

На вѣхъ вѣхомъ, пижинката,

обѣдъ, пижинъ, самой интерес-
ной живописью была тѣа Даши и
саммъ интереснѣи мужичинъ доч-
торь Непрѣль. На заводахъ и въ
шахтахъ читали отечесъ мало, при-
ти только марши и пѣсни, и мѣд-
жихъ всегда горюю споры о томъ,
чѣмъ не поминала, и это выходило
грубу. Споры горючы и громко, то
стрѣно, инѣль же другому мѣсѣцъ
Вѣра не вѣрѣла газеты разводи-
дунинъ въ безбѣднайшъ людяхъ,
какъ вѣсь. Казалось, что у вѣт-
ни роютъ, и роютъ, и роютъ, и
общественныхъ интересовъ.

Кѣль, что мѣсто и вѣро, и
западные даѣ таєперь, послѣ ре-
волюціоннаго урагана, пѣсколько оби-
гравшаго затѣху атмосферу, на эста-
ни рудники и заводы—вѣтъ наїде-
ту же саму вѣхину, какакъ нара-
сываютъ чеховы.

Вѣтъ перенищаетъ, скучаешь и въ
концѣ-концовъ, въ люби, выходить
змуки, да скучаю и неумѣлое дѣ-
тство Непрѣль.

— «Онъ спалый... Проживѣлъ
какакъ вѣбды...»

...Прекрасная природа, зреи, му-
зыка, говорить одно, а действи-
тельная жизнь другое. Очевидно, спаси-
и приѣзжихъ существуютъ гѣль вѣ-
жности... Но якъ жить, надо спаси-
ть одно изъ этой роскошной стѣ-
ни, безграницъ и разводинъ, какакъ
вѣтность, съ цыбами, кур-
ганами и дѣтъ, и тогда будуть за-
ронено...»

Тѣа примиряется Вѣра, и стѣ-
ни жизни, тѣа тишина, засасываетъ.

Вѣ. «Непрѣль» таѧлъ же обста-
новка — глухой, стенои кутурь-
бѣдъ ст. Прокопъ, зонецкой доро-
ги, — такая станица существуетъ,
и поздний холдингъ ст. отставной нач-
штабъ офицера Жуковъ. Живеть
онъ скучно, замкнуто, съ робкимъ, за-
ботой женой и дѣтами мѣшаниами—
жаночными, но любить поговори-
и разговоры—у него пудинъ, трапы, и
закуски, какъ столовы трапы, и на это
его прозвали «вѣчнѣгомъ». Юлъ не-
мудрено позавѣтъ гость, частныи
поговорки, членъ тѣа, и Жуковъ съюзъ раз-
водилъ изъ гостиницъ дни и ночи до

сеть его чуть не до истерии. И каждая контраст между ним и сиюю прекрасной красотой природой.

«Любый покоренный поцелен порванием и силь.

— Напиши, м'як что думно стало, — скажет онъ, — и выйду.

Жмукинъ предполага говорить о эпизодахъ въ сибирь вынужда за сюзъ и съя выши наружу. Какъ разъ подъ дворомъ пыль во всю лицоца дура и при лунномъ сиянъ земли и сары касанъ бытъ, тъмъ чечи; и по градъ, между деревни тѣлами, пропадающи прино по юсти съя, тоже бытъ. Направо, далъ видна стена, подъ нею тихо горятъ свѣзды и все таинственно блеконечно-далеко, точно смотряще въ глубокую пропастъ, а налево, наль стено, наявнъша одна изъ друго тихихъ грозовыхъ тучи, деревни, какъ сажи; краи ихъ освещены луной, и кажется, что посты горы съ бѣлью сибью на вершинахъ, темные тѣса, море; всыхмы молния, доносится тихий промы и кажется, что въ горахъ идетъ сраженіе... (XI ст. 61).

Много интереса представляютъ также болѣе поздніи поэмы «Моя жизнь». Въ нихъ чувствуется та же близость родныхъ мѣстъ, та же чуткость изображенія, толь же легкіи рисунокъ сплошь знакомъ Чехову обстановки и людей. Въ пѣвоткрытыхъ таѣхъ и кажется, что Чеховъ, когда пишетъ, думаетъ съ Татарскогъ:

«И всталъ рано утромъ съ восхомъ солнца. Ни птицы Большой Дворянской не было ни души, все еще спали, и пытъ мои раздавались одиночно и глухо. Тополи, покрытые росой, вспотѣли подъ сѣй изѣмъ ароматомъ. Мъяк было грустно и не хотѣлось уходить изъ города. Я любилъ свой родной городъ. Онь наставлялъ мъякъ такими красивыми и гамными! Я любилъ эту зелену, тихія солнечная утра, звонъ нашинъ колоколовъ; но люди, съ которыми я жилъ въ этомъ городѣ, были мѣжъ скучны, глупы и порой даже гадки. Я не любилъ и не понималъ ихъ.

И дальше идетъ суровая и стро-

гая характеристика жителей города. Жиуть скучно, гризно, сонно, мало читать, еще меньше думать, даже будить некудно и пытъ дереворную воду, а между тѣмъ, дескать пытъ говорить о водопроводѣ. Всѣ выражения изъточническими, измогичествомъ, это въ правѣ у пытъ, а гдѣ, кто не беретъ пытъ, подмены, холоды, усы, много пытъ, играть въ карты, меняется въ болотахъ и несомнѣнно, извѣстъ на среду предное разнѣающее влияніе.

Лиши отъ одынъ девушки изъ яло изъточнической чистотой; и у большинства изъ нихъ были чисты чистыя, честныя, чистыя души по онъ по понимали жизни и изѣди, что кистки даютъ изъ уваженія изъ душевными качествами и, видѣли замущъ, скоро старились, и, окунулись и бѣзсадко толкнулись въ пытъ, пытъ, мѣщанско-существо.

И вспоминается другая, такая же сурова характеристика въ «Стрѣхѣ сестрица», вложенной въ уста Андрии:

Городъ нашъ существуетъ уже вѣка-два, изъ него сто тысячъ жителей, и ни одного, который бы не былъ посочи на другихъ... Только быть, пытъ, снять, потомъ умножить... Городъ другое и тоже быть, пытъ, снять, и чтобы постутить изъ скучи, разнѣающими окунулъ свою гадкую спасѣніи, волни, картами, сугубичествомъ.

Чеховъ хорошо знать жизнь провинции. Но прежде, чѣмъ окунутся во всероссійскую провинциальную тину, онъ изъ толь самой съѣзжей и яркой пшетатальности окунулся въ родную провинциальную тину и ее сущности, изображая, побѣдѣти ничего наивнѣйшіе и при первыхъ, ражнѣи пшетатѣй, которыхъ остаются на всю жизнь.

Вѣдь напѣсть популярный разсказъ Чехова «Человѣкъ изъ футляръ», написанный имъ въ первую половину развития творческихъ силъ. Это название — «человѣкъ изъ футляръ», съѣзжлось парнишательными. Рассказъ цѣлкомъ вентъ татарской жизни.

Человѣкъ изъ футляръ, — это бы-

чий инспекторъ татарской классической гимназіи, где учился А. П. Чеховъ, — А. Ф. Дьяконовъ, — жалованно умершій. Личность инспекторская во всячъ отвоннѣйшихъ и Чеховъ изобразить ее великолѣко. Этотъ «избалованъ антропоидъ» или «глыбъ яблока науки», какъ называть его хотѣлъ Константенко, быть бѣзсмыслиемъ наказанiemъ и для учащихъ и для учениковъ, много пытъ, герцегъ въ подчиненіи и страхѣ почию, все свою жизнь боялся, какъ бы чѣмъ не вышло, притаски, замыкался, и, выйдя изъ отставку, долго еще вѣль футлярную жизнь, пытъ, своимъ, закупореннымъ вѣломъ, — зонтикомъ, пытъ, ватой въ ушахъ, темными очками, — даже проходилъ по улицѣ. Умеръ онъ пытъ весомъ тому изѣдѣ, оставилъ довольно крупное состояніе въ домахъ и капиталахъ, которые завещалъ городу Татаргру.

И отмѣтиль въ произведеніи Чехова, только то, что особенно ярко окрашено мѣстными колоритомъ.

А сколько разбросано у него въ ду мелкихъ бытовыхъ черточекъ, которыхъ неожиданно и про бросаются въ глаза всякому, кто знаетъ родину Чехова. Описание клаудица въ «Бонитѣ», многое перенесли «Винненаго сада», «Дядя Ваня», «Мои жизни», «Свѣтлыбы», гдѣ показываетъ своей жизненностью забавы флагу грека Димы, — все это мѣстное, колоритное, близкое родине Чехова — Татаргру.

Пѣвца хмурѣть людя и вѣсть съ тѣмъ великаго амра и неподражаемаго юмориста, пытъ и въ гѣскомъ смѣшѣ тети углозѣкъ, который лежитъ у гиря Дона, при Азовскомъ морѣ.

Чеховъ, несомнѣнно, — драма и создание своего края. Это пройдентъ присной нити черезъ многихъ его произведения, и самое яркое, колоритное пытъ думать тогда, когда ри советъ родине быть рожкой природу и доказывать ему съ достоинствомъ.

П. СУРОЖСКІЙ.

Петербургъ.

Такъ тинодъ — кисло-соленые мыло Лукѣ, изображение изъ Альбумъ Пшетаря для моей зоны.